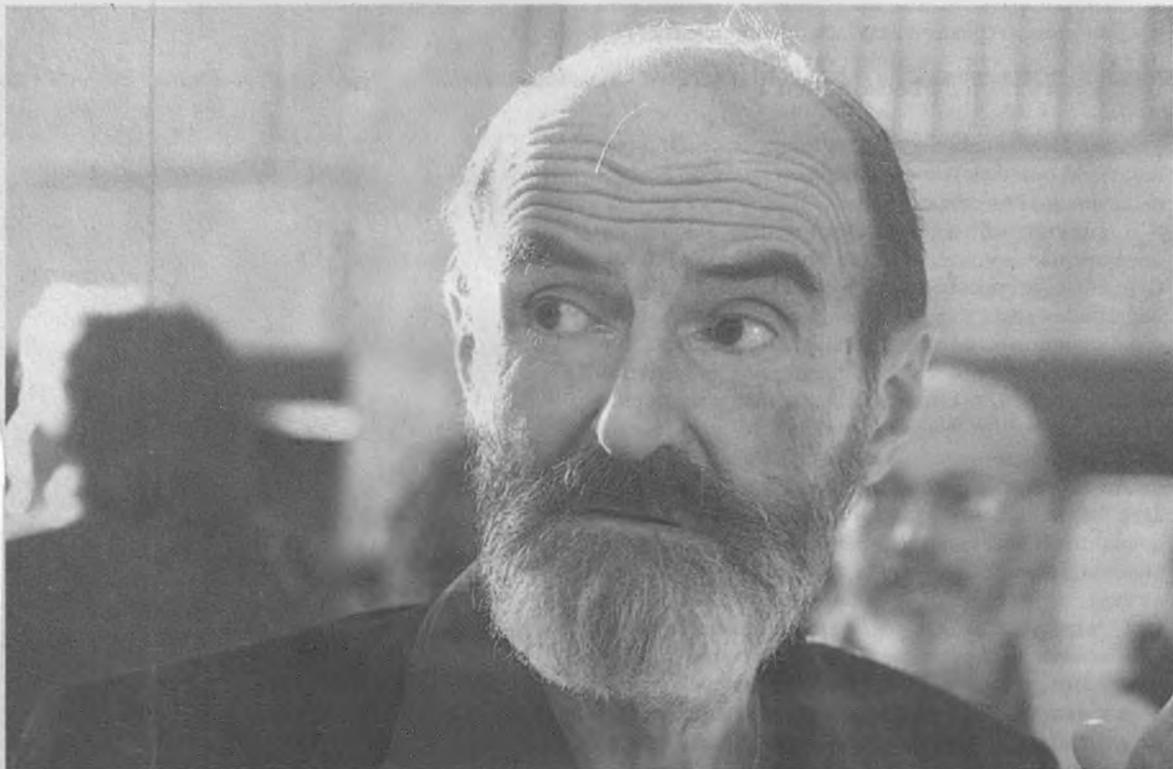

Эрик Булатов: наше время пришло

Знаменитый художник-концептуалист
выступает против коммерческого искусства

Для современного художника Эрик Булатов сделал нетипично мало – у него всего 150 работ.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Ксения Воротынцева

*Независимая газ. - 2006. - 13 окт.
с. 12.*

Политические страсти забываются – кого теперь волнует, что Веласкес был придворным живописцем? Поэтому, наверное, Эрик Булатов, хоть и уехал из страны, не признает себя профессиональным диссидентом: многие сломались, кто пытался строить карьеру только на бегстве. Историю интересует сухой остаток – Эрик Булатов, верный вполне реалистичной манере, но интересовавшийся текстами, что совпало с разработками в философии и лингвистике семидесятых, – отчитался большой выставкой в Третьяковке. По масштабу – чуть ли не итоговой.

– Эрик Владимирович, вы читали книжки по семиотике? В конце пятидесятых – как раз когда вы искали свой язык – наука о знаковых системах пережила расцвет. Вы занимаетесь примерно тем же, чем ученый-семиолог, – исследуете природу знаков.

– Нет, я с другой стороны подошел. Плакаты и политические лозунги – итог двадцатых, когда Родченко и авангардисты разработали всем понятные шрифты, – определяли социальное пространство вокруг. Я их собирал: «Не влезай – убьет!», «Курить запрещается», «Добро пожаловать!», «Входа нет» – в метро. Железнодорожные плакаты любил. Думал, что такое слово, как оно живет в пространстве, как в нем внутреннее и внешнее соотносятся. Теперь от социальных проблем ушел к экзистенциальным. Только не надо это списывать на то, что я уехал.

– Но и социальное пространство резко поменялось: пришла реклама, а с ней – много языковых игр.

– Я плохо знаю ситуацию. Но летом видел растянутые по Москве плакаты: «Наше время пришло». Очень похоже на тот стиль.

– На лозунги есть мода. Жив же до сих пор соц-арт – пусть в гламурной версии Виноградова и Дубосарского.

– Меня тоже записывают в соц-арт – политический перевод американского поп-арта, – хотя мы с этими художниками не похожи и, чтобы меня запихнуть в классификацию, нужно что-то ампутировать. На русских художников европейцы смотрят из своей системы координат – и замечают только привычное, и говорят потом, что мы им подражаем. А наши кураторы потакают их представлениям, когда делают выставки, хотя нужно биться за свою идентичность.

– Вы не про Марата Гельмана говорите? Он – куратор, который пытается определять лицо современного искусства.

– Он вполне симпатичный человек. Я говорю обобщениями. Просто ненормально, что на Западе наш аван-

гард двадцатых считают десантом из Европы и не видят никаких связей с русской живописью. Слово потом всех перестреляли, и наше искусство закончилось. – Остался ли у вас любимый художник – после стольких лет профессионального пребывания в живописи?

– Ансельм Кифер. Илья Кабаков раньше делал что-то близкое, но теперь он далеко. Вообще для современного художника я нетипично мало сделал – примерно 150 работ. Хотя рисовал всегда. Мой отец почему-то очень верил, что я буду художником, – он погиб на фронте, когда мне еще не было восьми лет.

– У вас есть ученики – вы создали свою школу, пропагандируете себя?

– Нет, не сложилось. Только в Дюссельдорфе лекцию читал, еще в Лозанну на неделю ездил. Если идешь пре-

Чтобы меня запихнуть в классификацию, нужно что-то ампутировать

подавать, на живопись времени не остается. Когда я по полгода иллюстрировал детские книжки – очень милое занятие, – то вторую половину года оставлял на картинах. Никогда эти дела не смешивал.

– В актуальное искусство теперь приходят люди, которые могут снять видеоарт, но рисовать решительно не умеют. Цифровая техника привела много любителей. Может, разговоры о кризисе искусства не так уж глупы?

– Да, есть профанация. В наших вузах еще учат ремеслу. Художественное сообщение ты уже формируешь сам – в крайнем случае, останешься крепким ремесленником. На Западе лелеют индивидуальность, но школы не дают. Там прочно срослись бизнес и искусство. Художник талантливо продает самого себя – громадные инсталляции, которые недавно были на пике моды, дороги. Сначала ищут людей, которые дадут на них деньги и, конечно, захотят их вернуть и сделают рекламную кампанию, – поэтому успех заранее гарантирован. Художнику старой школы – мне, например, – нужно только собрать на краски и материалы. Я не против коммерческой одаренности – плохо, когда этот вид искусства объявляется единственным. Зрителю насильно впихиваются имена. Вполне возможно, потом решат, что наше время лучше выразили те художники, которые просто не попали в пространство галерей. ■